

ГЭЛЕН ФОУЛИ

ЕГО ДЕРЗКИЙ
ПОЦЕЛУЙ

Издательство АСТ
Москва

Глава 1

Февраль 1818 года

Как хочется танцевать!

Под подолом белого... нет, голубого... нет, зеленого шелкового платья мысочек атласной туфельки отстукивает такт в ритм изысканной мелодии оркестра.

Бесчисленные свечи в хрустальной люстре наполняют бальный зал золотистым сиянием. По блестящему паркету под звуки нового, смелого танца — вальса — скользят пары. Дамы — в нежных, светящихся шелках, джентльмены — во фраках.

Внезапно она ощутила на себе чей-то пристальный взгляд и, быстро выглянув из-за нарядного веера, успела заметить высокую статную фигуру молодого человека, но летящие в танце пары тотчас заслонили его.

Сдерживая волнение, она ждала, чувствуя, что незнакомец приближается. Сейчас он пригласит ее встать с ним рядом в круг танцующих. Сердце стучит все сильнее. Через мгновение она разглядит лицо таинственного гостя, героя, предназначенного ей судьбой...

Волосы у нее на затылке зашевелились от острого предчувствия опасности. Иден Фарради очнулась от своих сладких мечтаний. Окружающая реальность напоминала о себе звуками и запахами черной и влажной ночи в тропическом лесу. Вместо хрустальных канде-

лябров — единственная древняя лампа на бамбуковом столике у гамака под полупрозрачной москитной сеткой. Вместо танцующих дам и кавалеров — выющиеся вокруг лампы ночные бабочки, а за стенами резиденции натуралиста — домика на высоких сваях — непроглядная темнота, кишашая невообразимыми формами жизни.

Оглушительно звенели цикады, обезьяны дрались за место на ветвях для ночлега, одни только попугаи прекратили свои визгливые свары. Из зарослей доносился рык ягуара, прогонявшего соперника со своей территории. Для хищников наступил час охоты.

Эти дикие звуки окончательно развеяли сладкие мечты о лондонском блеске. Остался лишь вдохновивший их прозаичный предмет — годичной давности экземпляр модного журнала «Ла белль ассамбле», присланный дорогой кузиной Эмили из самой Англии.

Чувство опасности все не отступало.

Она огляделась. Инстинкт, обостренный жизнью в джунглях, не позволял расслабиться. Иден протянула руку к пистолету, с которым никогда не расставалась. И тут услышала: сверху доносилось слабое, едва слышное шипение.

Иден подняла голову и встретила взглядом с холодными выпуклыми глазами чудовищной восьмифутовой змеи. Ядовитые клыки ее влажно блестели, раздвоенный язык подрагивал. Замирая от ужаса, Иден медленно отстранилась. Двигаться быстрее она не решилась.

Огромная змея охотилась на теплокровную добычу и, казалось, слышала отчаянный стук сердца Иден. Эти твари вообще часто появлялись в человеческом жилье: после людей оставались крошки, крошки привлекали

мышей, а мыши — этих жутких рептилий, имевших обыкновение нападать при малейшем раздражении.

Укус такой змеи означал неминуемую смерть.

Грациозно извиваясь, незваная гостя скользнула вверх, к старым балкам под крышей. Должно быть, она уже давно охотилась на нагулявших жирок грызунов, потому что сейчас змея обвила собою шест, на котором висел гамак, и молча рассматривала Иден, словно размышляя, какова та на вкус.

Иден поразились, увидев, что мерзкая тварь легко прорвала москитную сетку своими острыми клыками, с которых разлетались капли яда, способного за час убить крупного мужчину. Иден приходилось наблюдать, как это происходит. Не самая легкая смерть.

Змея угрожающе изогнула шею, сверкнули клыки, и злобная рептилия бросилась в атаку.

Иден резко отстранилась, схватила пистолет и выстрелила. С губ ее слетел крик отвращения, когда отстреленная голова твари шлепнулась на страницу ее обожаемого журнала.

— Чертова... — начала было Иден, но замолчала, ибо воспитанные лондонские леди вслух не ругаются.

Проклятый журнал добирался до здешних мест целый год — его привезли с Ямайки.

Осторожно выбравшись из гамака, Иден мрачно посмотрела на раскрытую пасть змеи, чья кровь заляпала яркую страницу, потом закинула за спину золотисто-рыжую косу, отодвинула москитную сетку и вышла наружу, пытаясь выбросить из памяти очередную встречу со смертью.

— С тобой все в порядке, дорогая? — Безразличный голос отца Иден, доктора Виктора Фарради, прозвучал из рабочей палатки и разнесся по всему лагерю

естествоиспытателя в самом сердце зеленой, исходящей влажным паром дельты Ориноко в Венесуэле.

Иден бросила на отца рассеянный взгляд.

— Все хорошо, папа, — отозвалась она и дрожащей рукой убрала пистолет. «Господи, как же я хочу выбраться отсюда!»

Скорчив гримасу, Иден подняла журнал и, держа его перед собой, как поднос, со стоическим видом понесла оторванную змеиную голову к грубо сколоченному парапету, нависающему над широкой темной рекой. Без всяких церемоний она швырнула голову в мутный поток и услышала, как та шлепнулась в воду. Через минуту ее наверняка кто-нибудь слопают. Таков закон джунглей: съешь сам или съедят тебя. Иден бросила настороженный взгляд на реку — там, в свете фонаря, поблескивали десятки пар красных глаз. Вдруг, почти не всколыхнув темную воду, из глубины вынырнуло нечто огромное. Иден тряхнула головой — крокодилы, ядовитые змеи, высасывающие кровь летучие мыши, — а отец рассуждает о том, что Лондон опасен!

— Терпение, — прошептала она, скоро все это закончится, они отправятся домой, в Англию, хочет этого отец или нет.

Иден решительно посмотрела в сторону рабочей палатки и кивнула — время пришло. Ожидание стало невыносимым. Она должна узнать о решении отца прямо сейчас. Иден вырвала испорченные страницы журнала, отложила их для растопки и вышла из построенного на туземный манер домика — палафито, направляясь к главной рабочей палатке натуралистов.

По периметру лагеря тянулась цепочка горящих факелов, чтобы отпугивать диких зверей, но от мо-

скитов спасения не было. У костра в центре лагеря Иден приветливо кивнула трем чернокожим слугам, которые ответили ей белозубыми улыбками. Дневная жара отступила, и слуги в легких одеждах готовили себе ужин.

Иден перебросилась с ними несколькими шуточными словами и проследовала дальше. Полотняные юбки спиралью закручивались вокруг ее ног, ступни в ботинках на толстой подошве при каждом шаге утопали в мягком дерне. Взгляд Иден был решительно устремлен вперед, но сомнения терзали ее сердце.

Военного образца палатка служила рабочим кабинетом доктору Виктору Фарради. Сейчас он и его надежный помощник, австралиец Коннор О'Киф, склонились над старой, потертой картой. Складной стол был завален образцами, собранными во время сегодняшней вылазки. Местный шаман показал им место, где растут лекарственные растения. В тусклом оранжевом свете лампы лица ученых выглядели напряженными и серьезными.

И неудивительно. Прошмыгнув мимо испанских кораблей, патрулирующих прибрежные воды, курьерское судно доставило из внешнего мира не только бесценный для Иден журнал, но и кое-что еще.

Столь же долгий путь в эти места проделало послание лондонского поверенного, представлявшего аристократического патрона экспедиции. В письме сообщалась грустная весть: несколько месяцев назад старый филантроп, четвертый граф Пембрук, к несчастью, отправился за вечной наградой на небеса.

Наследник его светлости, пятый граф Пембрук, молодой франт, был, если верить светской хронике в «Лабель ассамбле», игрок и повеса, впрочем, весьма при-

ятной наружности. Сейчас новый лорд Пембрук строил прекрасный загородный дом, а все художники, ученые, музыканты и скульпторы могли, по его мнению, отправляться к черту. Именно это и сообщал по поручению его светлости лондонский адвокат.

Короче, знаменитый доктор Фарради лишился финансирования своих исследований. Иден чрезвычайно обрадовалась такому повороту в делах, но у нее хватило ума промолчать. Отец, получив это известие, страшно побледнел, ибо, как истинный ученый, был беззаветно предан своему делу. Сама Иден, в которой мечтательность сочеталась с практичностью, понимала, что, вернувшись в Англию, они не умрут с голоду.

Опытнейшему врачу, а теперь еще и автору множества научных работ, доктору Фарради давно предложили в Лондоне очень достойную должность преподавателя в Королевском медицинском колледже. Если он ее примет, как и следует, Иден вместе со своей кухней Эмили сможет прогуливаться в Гайд-парке среди других элегантных леди, заставляя молодых повес вываливаться из своих модных фаэтонов, глядя ей вслед.

Скоро, очень скоро — кто бы мог такое предвидеть? — у нее начнется нормальная жизнь!

Сцепив за спиной руки, Иден негромко кашлянула, чтобы привлечь внимание джентльменов. Они были так заняты беседой, что не заметили появления девушки. Теперь же одновременно подняли головы, прервав негромкий разговор.

— Ну, мальчики, — Иден жизнерадостно улыбнулась, стараясь развеять мрачное напряжение, которое они все чувствовали, — когда же мы отправляемся домой?

Однако шутка не имела успеха, ученые настороженно переглянулись. Коннор, знавший, как Иден любит светские знаки внимания, хотя и с опозданием, но поднялся, приветствуя появление леди.

Коннор О'Киф, дочерна загоревший блондин ростом более шести футов, в плечах был вдвое шире любого из воинов здешней дельты. Сильный и молчаливый, он специализировался в зоологии, однако в последнее время Иден все чаще смущали его пристальные непонятные взгляды.

— Все в порядке? — спросил он. — Почему ты стреляла?

— Под полог забралась змея. Прости, Кон, пришлось выбирать: либо моя жизнь, либо — ее.

— О господи! — протирая очки, воскликнул отец Иден и подался вперед. — Ты цела?

— Цела, цела, — заверила его Иден. — Коннор, не мог бы ты убрать останки этой твари, часть которых застряла в стропилах?

Австралиец мрачно кивнул.

— Я скоро вернусь, сэр.

— Да-да, а я как раз переговорю с дочерью.

— Ну разумеется. — Коннор с сочувствием сжал плечо Иден. — С тобой действительно все в порядке? — пробормотал он.

Иден кивнула и заставила себя улыбнуться, пытаясь не обращать внимания на легкий собственнический оттенок в его голосе. Она так и не решилась высказать отцу свои сомнения относительно Коннора. Доктор любил австралийца, как родного сына. Кроме того, не следовало рубить сук, на котором сидишь. Иден прекрасно знала, что они полностью зависят от Коннора, который добывал еду, строил для них хижины, держал

на расстоянии враждебных индейцев и забредавших в эти края ягуаров, однако ее не покидало ощущение, что молодой человек и ее рассматривает как свою заслуженную добычу.

— Присядь, дорогая, — обратился ученый к дочери, настороженно смотревшей вслед ушедшему Коннору. — Нам нужно многое обсудить.

— Это правда. — Иден с восторгом готовилась руководить подготовкой к отъезду. В конце концов, именно она является номинальной хозяйкой в доме отца. — Думаю, с помощью слуг мы за неделю все упакуем так, как должно. Надо будет особо проследить, чтобы твои ботанические коллекции не пострадали от влаги. Однако если мы сумеем перебраться через пролив на Тринидад, нам не придется слишком долго ждать какого-нибудь британского судна.

— Иден, — мягко, но решительно остановил дочь доктор. — Мы остаемся.

Иден долго смотрела на него молча, потом прикрыла глаза и с дрожью в голосе проговорила:

— О нет, отец, нет!

— Иден, я понимаю, ты потрясена, но мы получили такие великолепные результаты! Дорогая, ведь тебе нравится здесь, я знаю, нравится. Вспомни, какие у нас были замечательные приключения! Как мы забирались на деревья, чтобы исследовать кроны. Сколько обнаружили неизвестных науке животных и птиц! — Он погладил ее по руке. — Дорогая, ну не смотри на меня так печально. — Подумай, какие лекарства мы сумеем получить, сколько спасем человеческих жизней. Нельзя сейчас останавливаться, нельзя!

Иден заставила себя отвечать:

— Я думала, у нас теперь нет средств. Лорд Пембрук...

— ...просто негодяй! — закончил фразу ее отец. — Но этот молодой бездельник не сможет остановить прогресс! Нам и правда придется теперь экономить, но мы ведь научились у индейцев жить тем, что дает земля. И мы же британцы! Мы должны, и мы будем продолжать нашу работу.

— Продолжать...

— Да, моя дорогая, да! — с юношеским энтузиазмом воскликнул доктор. — У меня есть план.

«О нет!»

— План?

— Мы отправимся в глубь континента, Иди.

Глаза девушки в ужасе распахнулись.

— Ты хочешь сказать, что...

— Да, — с восторгом прошептал он, не в силах сдержать свою радость. — На Амазонку!

Иден открыла рот, но отец принял ее страх за восхищение.

— Ты только подумай, дочка! Нас ждут потрясающие приключения. Там неизведанная земля. Конечно, дельта была нам матерью и учителем, она готовила нас, но наша судьба — Амазонка! — Он сжал ее руку, пытаясь передать дочери свое волнение, но Иден выдержала ладонь и вскочила на ноги.

— Ты сошел с ума!

— Но, Иди...

— Я догадывалась, а теперь случилось то, чего я всегда боялась. Ты слишком долго жил в джунглях, отец, это помutilо твой разум. О господи, со мной будет то же самое! — Она прижала ладони к лицу, но доктор лишь рассмеялся в ответ. — Я не шучу! — про-

должала Иден. — Я туда не поеду. Одумайся! Там живут охотники за головами, людоеды! Они не то что здешние мирные индейцы-вароа.

— Глупости! Коннор сумеет нас защитить. Иди, ты мне нужна. Ты же понимаешь, я не могу без тебя обойтись! Пока мы вместе, ты будешь в абсолютной безопасности. Клянусь, как только мы покорим Амазонку, мы сразу вернемся в Англию. Я напишу книгу и кое-что докажу этому Гумбольдту. Нам никогда больше не придется искать богатого покровителя.

Она не могла вымолвить ни слова в ответ. Когда мать лежала на смертном одре, Иден обещала ей заботиться об отце, но что делать, если этот человек не желает думать о своей безопасности?

— Отец, — скрестив на груди руки, обратилась она к доктору, — тебе пятьдесят пять лет. Твой идол Гумбольдт был в самом расцвете сил, когда совершил это путешествие, и едва не погиб при этом. — В ответ раздалось раздраженное рычание. Иден тотчас поняла, что аргументы, ранившие гордость отца, ей не помогут, и сменила тему: — Кстати, об этих джунглях, ты не забыл, что Венесуэла сейчас воюет?

— Разумеется, не забыл. Я еще не выжил из ума. Но что с того?

— Чтобы добраться до Амазонки, надо пересечь равнину, а лланос сейчас — основное поле битвы между испанской короной и восставшими колонистами.

— Ну и что? Мы успеем. Сейчас как раз временное затишье. Внутренние районы надежно контролируются мятежниками. Испанцы держатся поближе к берегу и своим кораблям. Никаких трудностей.

— Никаких трудностей? — Иден чуть не расхохоталась ему в лицо. — Начнем с того, что каждая из сторон будет считать тебя шпионом. Испанцы заподозрят в тебе союзника повстанцев, а колонисты решат, что ты работаешь на испанцев.

— Будь это правда, меня давно бы выслали из страны. Черт возьми, Иди, я уже говорил этим проклятым бюрократам в Каракасе: наука вне политики. Здесь я работаю на все человечество.

— О господи! — Иден спрятала лицо в ладонях. — Ты здесь прячешься от мира, вот и все.

— Что ты сказала? — потрясенно спросил отец.

Иден вздохнула и взяла себя в руки.

— Ничего, отец.

— Вот что я тебе скажу, моя девочка, следи за своими словами, — с достоинством произнес доктор, снова опустился на простой деревянный табурет и оправил куртку. — Конечно, я позволяю тебе много вольностей, но все же я — твой отец.

— Да, сэр. — Иден опустила голову. — Но...

— Что «но», дитя мое?

Иден с надеждой вглядывалась в его лицо.

— В прошлом году ты обещал мне, что мы вернемся в Англию.

Похоже, доктору было неприятно это слышать. Он нахмурился, отвел взгляд и демонстративно занялся своими ботаническими находками.

— Англия, Англия... Что ты забыла в нашей убогой стране? Неужели думаешь, что жизнь там будет сказкой? Я старался уберечь тебя от ее соблазнов. Ты мечтаешь о балах и роскошных экипажах, но в тамошней жизни есть и темная сторона. — Он бросил на нее

взгляд из-под очков. — Болезни, преступления, подлость, бедность... Здесь ничего этого нет.

— Но нет и ни одного собеседника! — со слезами вскричала Иден.

Отец смотрел на нее с сочувствием.

— Глупости, здесь есть я. И Коннор. Разумеется, он не очень разговорчив, но если разговорится, его стоит послушать. Ну-ну, будет, будет, дитя мое. — И он ласково похлопал дочь по руке. — Уверяю тебя, мы гораздо более умные собеседники, чем те, которых можно встретить в лондонских гостиных.

— Хочу хоть раз услышать, как разговаривают нормальные люди, — чуть слышно пробормотала Иден.

— Нормальные? — фыркнул доктор. — Это просто синоним посредственности. Иди, поверь, эти лондонские вертушки, которыми ты так восхищаешься, самые пустые, примитивные и никчемные люди на всей земле. Ленты, шляпки, туфельки — и больше ни единой мысли! Неужели ты хочешь стать такой же?

Иден подавила вздох — начинается лекция.

— Только подумай, сколько у тебя здесь преимуществ. Одеваешься как хочешь, говоришь что хочешь, поступаешь как хочешь. Ты же понятия не имеешь, как третируют этих светских красоток их дуэньи, чья единственная задача в жизни — следить за каждым шагом своих подопечных. Да ты через день сойдешь с ума! Подумай, сколько свободы ты имеешь здесь — свободы и образования.

«Свободы? — задумалась Иден. — Почему же я чувствую себя как в тюрьме?»

— Я воспитывал тебя скорее как сына, чем как дочь, — продолжал ученый, ступая на знакомую тропу. Иден знала эту речь почти наизусть. — Подумай, не-

жели твои утонченные леди способны без ошибок называть все изученные виды семейства Agасасеae? Или приготовить лечебный чай от желтой лихорадки? Зафиксировать сломанную ногу? Думаю, нет, — с гордостью закончил он. — Ты, моя дорогая, просто уникальна.

— Отец, я не желаю быть уникальной, — устало возразила Иден. — Я просто хочу вернуться к людям. Хочу быть чьей-то, а не сама по себе.

— Ты — моя, разве этого мало?

Чувствуя, что попала в ловушку, Иден отвела взгляд. Все он понимает, только притворяется.

— Разве я не была послушной дочерью? Не поддерживала тебя во всем, не ухаживала за тобой, не помогала в работе, не исполняла все просьбы?

— Ты права, — с неохотой признал отец.

— Папа, говорят, в Англии женщину называют старой девой, если она не выйдет замуж к двадцати пяти годам. Я понимаю, тебе не до подобных мелочей, но вспомни — в прошлом месяце мне исполнилось двадцать три. — Доктор было фыркнул, но Иден опустила голову и продолжила: — Пожалуйста, хоть раз выслушай меня без насмешек. Меня влекут не только балы и экипажи. Я признаю, мне нравятся такие вещи, а какой девушке не нравятся? Но дело не только в этом. Ты бы должен уже достаточно меня изучить, чтобы не думать подобным образом.

— Иди, дорогая, так в чем же дело? — более мягким тоном спросил доктор. — Что так тебя тревожит?

Иден смущенно взглянула на отца:

— Неужели ты не понимаешь? Я... я хочу найти... кого-нибудь.

— Кого?! — в нетерпении вскрикнул он.

— Я сама еще не знаю. Того, кого я смогу любить.